

DOI: 10.22363/2618-8163-2018-16-4-428-450

УДК 81: 81'33: 811.161.1

Концептуальная метафора поглощения жидкости в пищевом коде русской лингвокультуры

Е.А. Юрина

Национальный исследовательский Томский государственный университет
Российская Федерация, 634050, Томск, проспект Ленина, 36

Проблематика статьи связана с исследованием образной языковой реализации фрагмента пищевого кода русской лингвокультуры, связанного с символизацией и метафоризацией поглощения жидкости. Рассматриваются лексические и фразеологические номинации русского языка, выражающие данную концептуальную метафору в лингвокультурологическом и когнитивно-прагматическом аспектах. Методологическую основу составили работы по теории лингвокультурологии и языковой образности, когнитивная теория метафоры и пропозиционно-фреймовый анализ глагольной семантики. Предложена методика, согласно которой анализируются различные по структуре слова и выражения, метафорически мотивированные глаголами *пить*, *хлебать*, *сосать*, *жаждать*, *поить* и их производными, транслирующие системой своих значений базовую когнитивную модель «X — это поглощение жидкости». В результате описана картина образного отображения в языке различных физических, социальных, психических, ментальных процессов и явлений по аналогии с указанным физиологическим процессом; представлена концептуальная модель области-источника в виде пропозиционно-фреймовой структуры, каждый компонент которой подлежит метафорическому переосмыслению; охарактеризованы области-цели, включающие объекты метафорического означивания; выявлены когнитивные основания метафорических аналогий; описаны направления метафоризации в виде когнитивных схем образов. Предложен лингвокультурологический комментарий, раскрывающий культурно-исторические истоки метафоризации и символизации поглощения жидкости.

Ключевые слова: код культуры, концептуальная метафора, образный язык, фразеология, картина мира, прагматика

Введение

Исследование базовых кодов культуры в их языковом выражении составляет одно из актуальных направлений современной семантики и лингвокультурологии. Под кодом культуры понимается исторически сложившаяся устойчивая система непрямого означивания — символического, образного, ритуального, сакрального и т.п., — которая используется для выражения значимых для культуры феноменов и трансляции её аксиологических доминант (Алефиренко, 2002: 61–62; Красных, 2003: 298; Ковшова, 2008: 60; Токарев, 2009: 40; Шестак, 2003: 7). Различные коды культуры выделяются на основании концептуального единства но-

сителей иносказательного смысла — совокупности реалий или их знаковых (словесных, иконических, жестовых) заместителей, выражающих более абстрактные, более широкие и глубокие культурно-маркированные значения. С большей или меньшей степенью дробности выделяют антропоморфный (человек), зооморфный (животное), соматический (часть тела), фитоморфный (растения), фетишный (артефакт), биоморфный (натурфакт), акциональный (действие) и другие типы кодов. В этом ряду рассматривается и пищевой код культуры, который интенсивно исследуется в культурологии и лингвистике последних десятилетий, будучи терминологически обозначенным как «гастрономический», «глуттонический», «кулинарный» (Банкова, 2006; Бойчук, 2009; Дормидонтова, 2009; Капелюшник, 2011; Ковшова, 2008; Юрина, 2013). Отражение представлений о мире в рамках пищевого кода культуры осуществляется через соотнесение означаемых феноменов с объектами и субъектами гастрономической деятельности, их свойствами и состояниями, действиями и процессами, протекающими в этой сфере.

В лингвистических работах представлены лингвокультурологический, когнитивный, прагматический, дискурсивный, сопоставительный, лексикографический аспекты анализа этого кода культуры. В качестве языковых репрезентантов пищевого кода рассматриваются, во-первых, прямые номинации явлений гастрономической сферы, функционирующие в фольклорных и диалектных текстах как выразители традиционных ценностей народной культуры (Гынгазова, Иванцова, 2017) или как носители символических смыслов в обрядовом тексте (Банкова, 2006). Во-вторых, анализируются образные средства различных языков, демонстрирующие символическое и метафорическое переосмысление образов еды в определенных лингвокультурах (Боровкова (Балдова), 2015; Бойчук, 2009; Капелюшник, 2011; Ковшова, 2008; Юрина, Живаго, 2015). Существенный вклад в развитие данной проблематики вносят томские исследователи, работающие над проектом «Словарь русской пищевой метафоры» (Словарь русской пищевой метафоры, т. 1, 2015; т. 2, 2017).

В этом контексте становится очевидным, что метафора как когнитивная модель мышления является одним из основных способов порождения образных и символических смыслов, обеспечивая формирование, функционирование и интерпретацию культурных кодов. Метафора еды, имея глубокие корни в традиционных этнических культурах, является продуктивным механизмом смыслопорождения в современном русском языке и активно используется в дискурсивных практиках. О востребованности гастрономической метафоры в современных масс-медиа, политическом, художественном, разговорно-бытовом типах дискурса свидетельствуют многочисленные текстовые материалы, представленные в Национальном корпусе русского языка и различных интернет-ресурсах. Более глубокое и полное освещение в лингвистике получила предметная пищевая метафора как средство вербализации тезауруса через образы блюд и продуктов питания. В ряде работ по русистике освещалась процессуальная пищевая метафора, охватывающая метафорические модели со сферой-источником «Гастрономическая деятельность» (Живаго, Юрина, 2015; Живаго, 2018). Актуальность изучения процессуального сегмента гастрономической метафоры обусловлена не только меньшей степенью его изученности по сравнению с метафорой предметного типа, но и большей метафорической активностью производящих глаголов, более развитой по-

лисемией и широкой сферой их денотативного приложения, а также дискурсивной частотностью и высоким прагматическим потенциалом отглагольной метафорики, демонстрирующей реализацию пищевого кода культуры в русском языке.

Цель

Цель представленного в статье исследования — выявить когнитивные модели метафоризации процесса поглощения жидкости, лежащие в основе языковой семантики и культурной коннотации образных средств русского языка, мотивированных глаголами *пить*, *хлебать*, *сосать*, *жаждать*, *поить* и др.; описать включенную в пищевой код русской лингвокультуры систему типовых образов, основанных на исходной прототипической ситуации поглощения жидкости.

Материал и методы

Объектом исследования являются метафорически мотивированные значения слов и выражений современного русского языка, которые прямо или косвенно восходят к глаголам *пить*, *сосать*, *хлебать*, *поить*, *жаждать*, глаголами *глотать* и *питать* в том случае, если задействованная в метафорической интерпретации ситуация связана с поглощением жидкости (*глоток воды*, *впитывать как губка*), а также тексты, демонстрирующие их речевое употребление. В числе образных единиц рассматривались языковые метафоры (например, *запой* ‘продолжительное увлечение чем-либо’); образные лексемы с метафорической внутренней формой (*прихлебатель* ‘тот, кто проявляет чрезмерную почтительность, показную любезность перед кем-либо ради получения собственной выгоды’); контекстуально обусловленные авторские и речевые метафоры (*Черная дыра властолюбия буквально всосала в себя Александра Павловича*. А. Архангельский. Александр I); устойчивые и авторские образные сравнения (*Наглядевшись в глаза и словно напившись из них искомой муты, человечиска в поношенном сюртуке вдруг от Княжнина отскочил*. Б. Евсеев. Евстигней); идиомы (*впитать/всосать с молоком матери* ‘прочно усвоить что-либо с ранних лет’); авторские образные выражения (*Воевать против «Хизбаллы» это всё равно, что хлебать суп вилкой*. А. Бовин); пословицы и поговорки (*вашими устами да мёд пить*).

Словарный и текстовый материал собран приемом сплошной выборки из толковых и фразеологических словарей и Национального корпуса русского языка. Всего было извлечено 180 образных слов и выражений, функционирующих более чем в 1500 контекстах. Контекстный материал представлен фрагментами из художественных произведений, текстов СМИ, интернет-коммуникации. Основным источником является электронный ресурс «Национальный корпус русского языка» (www.ruscorpora.ru). В качестве дополнительного материала привлекались тексты разговорной речи интернет-форумов, материалы телевизионных передач, представленные на страницах интернет-журналов, развлекательных порталов, социальных сетей. В лексикографическом формате большая часть материала представлена во втором томе «Словаря русской пищевой метафоры: гастрономическая

деятельность» (Словарь русской пищевой метафоры, 2017: 272—321, 327—358, 355—357, 484—486, 497—504). В качестве основного источника лингвокультурологического комментария использовался энциклопедический словарь «Славянские древности» (Славянские древности, т. 1, 1995; т. 3, 2004; т. 4, 2009).

Методологическую основу составили теория лингвокультурологии (Воркачев, 2007; Гудков, 2005; Карасик, 2001; Ковшова, 2008; Красных, 2001, 2002; Телия, 1996; Токарев, 2009, Шаклеин, 2012), теория языковой образности (Алефиренко, 2002; Илюхина, 2010; Складневская, 2004; Телия, 1996; Шестак, 2003; Юрина, 2013), когнитивная теория метафоры (Gibbs, 1992; Glucksberg, 2001; Lakoff G., Johnson M., 1980; Чудинов, 2001) и пропозиционально-фреймовый анализ глагольной семантики (Арутюнова, 1976; Кубрякова, 1992; Кустова, Падучева, 1994; Минский, 1979; Филлмор, 1988).

Методика исследования образных средств языка, мотивированных глаголами поглощения жидкости, реализуется с опорой на приемы семасиологического, когнитивного и прагматического анализа. Она включает следующие этапы: 1) выявление образных средств русского языка, мотивированных глаголами с семантикой «поглощение жидкости», 2) компонентный анализ семантики мотивирующих глаголов и образных номинаций; 3) когнитивное моделирование общего сценария поглощения жидкости как динамической фреймовой структуры, отражающей исходную прототипическую ситуацию, элементы которой (фреймы и слоты) задействованы в метафорическом выражении представлений о мире; 4) когнитивное моделирование фреймов, отражающих конкретные процессы и действия, связанные с различными способами поглощения жидкости, и слотов, отражающих участников и обстоятельства данных действий и процессов; 5) описание когнитивных моделей метафоризации и типовых образных представлений, выраженных языковыми и текстовыми репрезентациями метафоры поглощения жидкости; 6) лингвокультурологическая интерпретация результатов когнитивно-прагматического анализа метафоры поглощения жидкости с учётом сведений из области истории культуры, этнографии, мифопоэтики, фольклора.

Результаты

Концептуальная метафора поглощения жидкости описана как смысловой механизм, формирующий относительно самостоятельный фрагмент образной системы русского языка и пищевого кода русской лингвокультуры в их взаимосвязи и взаимодействии. Выявлен лексико-фразеологический состав образных средств русского языка, транслирующих метафору поглощения жидкости, в объеме 180 единиц. Описаны когнитивные структуры (фреймы и слоты), представляющие глубинную семантику исходного глагольного действия, на которых основаны образ-схемы метафоризации процесса поглощения жидкости в русском языке. Определены метафорические модели и типовые образные представления, отражающие проекции прототипической ситуации поглощения жидкости на различные явления внеязыковой действительности. Предложен лингвокультурологический комментарий, раскрывающий культурно-исторические истоки метафоризации и символизации поглощения жидкости.

Обсуждение

Символизация поглощения жидкости в пищевом коде русской культуры. Поглощение жидкости необходимо для поддержания жизни человека так же, как и употребление твердой пищи. Прежде всего, это касается потребности в воде, на основе которой осуществляются биохимические процессы в организме людей и животных. Уникальность воды состоит в том, что «это единственная жидкость, которая потребляется как естественное вещество, составляющее часть неживой природы» (Гынгазова, Иванцова, 2017: 18). На протяжении жизни человек пьёт воду либо в чистом виде, либо в виде содержащих ее естественных жидкостей (молоко, соки растений) или приготовленных на их основе напитков и жидких блюд (чай, кисель, похлебка и т.п.). В организм младенцев и детенышей животных вода с растворенными в ней питательными веществами поступает с молоком, вырабатываемым в грудных железах матери. Таким образом, молоко, которое сосёт новорожденный, является первой жидкой пищей всех млекопитающих. Напитки, которые на разных исторических этапах закрепились в русской пищевой традиции, готовятся на основе воды с добавлением различных ингредиентов (травяные отвары, чай, морс, компот, кисель, квас и др.), молока (кефир, простокваша, сливки) или представляют собой алкогольные напитки, содержащие в своем составе определенную долю спирта (вино, пиво, водка и др.).

В народной мифологии и традиционной культуре поглощение воды, молока и алкогольных напитков наполнялось особыми образно-символическими и сакральными смыслами, было обязательной частью многих семейных, календарных и окказиональных обрядов. Культурная семантика поглощения жидкости складывается из мифологических, символических и обрядовых значений напитка, времени, места, способов и обстоятельств питья.

В народной космогонии славян вода наряду с воздухом является одной из первых стихий мироздания, служит источником жизни и питает землю. Языческие народы обожествляли эту стихию, использовали воду как средство магического воздействия, очищения и защиты. С этим связывались представления о животворящей, целебной и очистительной силе воды. Водные источники считались священными, им поклонялись, совершали жертвоприношения. Вместе с тем считалось, что вода как среда обитания нечистой силы и душ умерших людей представляет собой «чужое», опасное пространство. Очистительная, защитная и продуцирующая семантика воды раскрывается в обрядах, гаданиях, ритуально-магических действиях с водой, включающих питьё, омовение, погружение в воду, пускание по воде и др. (Славянские древности, 1995, т. 1: 386—389).

Молоко у славян считалось одним из главных видов пищи, выступало объектом мифологических верований, магических ритуалов и защиты. Мифологическая семантика молока обнаруживает связь с небом и атмосферными явлениями: дождём, громом, молнией. Небесная влага связана с молоком в магических действиях. Особым сакральным значением наделялось материнское молоко как «генетический» продукт. Магия молока включалась во многие праздники и обряды. Молоко, молочный скот, молочная посуда становилась объектом особой защиты. В народной медицине наделялось живительными свойствами и служило оберегом.

Употребление молока как скоромной пищи строго регламентировалось. Молоко несет символику белизны, чистоты, защиты, плодородия, богатства (Славянские древности, 2004, т. 3: 284—288).

Способность алкоголя приводить человека в измененное состояние сознания выделяет эту группу напитков среди других, поэтому поглощение алкогольных напитков было обязательной частью церемониальной или обрядовой трапезы. «Обильная выпивка, сопряженная с буйным весельем, активизацией жизненных сил всего коллектива, была одной из форм магического воздействия на плодородие и урожай» (Славянские древности, 2009, т. 4: 55). Вино и водка применялись в семейных (крещение, свадьба, погребение) и календарных обрядах. Вино символизирует в обрядах кровь, здоровье и жизнь. В христианской божественной литургии превращается в кровь Христову и является вместе с хлебом компонентом святого Причастия (Славянские древности, 1995, т. 1: 373).

Обрядовые значение питья, представленные в энциклопедии «Славянские древности», заключаются в его объединительной силе, способности воздействовать на пьющего и выразить отношение к нему через угощение напитком. «Питьё укрепляет социальные связи, маркирует включение в социум новых членов или изменение статуса старых, служит приметой особого сакрального времени и особых событий» (Славянские древности, 2009, т. 4: 55). Наиболее ритуализированной формой является питьё из одной чаши, символизирующее общность семьи, рода, коллектива. Космологический и мифологический аспекты питья «обнаруживают себя в представлениях о связи напитка с небесной влагой в целом и в частности с дождём, молочностью скота, урожаем и далее — богатством» (Славянские древности, 2009, т. 4: 56). Прием жидкости символизировал акт жертвоприношения в ритуалах по задабриванию высших сил, духов, душ усопших в поминальных трапезах. Поскольку питьё становится частью того, кто его выпил, в мифологических представлениях актуализируются природные свойства напитка (вкус, цвет и др.), которые по народным представлениям переходили к пьющему человеку или животному: белизна молока, чистота воды, способность опьянять и красный цвет вина (Славянские древности, 2009, т. 4: 57). Считалось, что «с помощью напитка можно было придать объекту желаемые качества», приобрести силу; а отпитый или недопитый напиток сохраняет качества того человека, который его пил, или того предмета, который в него погружали (Славянские древности, 2009, т. 4: 57). Целебные напитки применялись в народной медицине для лечения различных болезней. В традиционной народной культуре питьё регламентировалось системой запретов и предписаний: нельзя пить по ночам, во время угощения в большие праздники и т.п. (Славянские древности, 2009, т. 4: 58).

Указанные аспекты символизации питья и напитков находят отражение в образной семантике слов и выражений современного русского языка.

Образные средства русского языка, выражающие метафору поглощения жидкости. Стереотипная ситуация поглощения жидкости обозначается в русском языке глаголом *пить* ‘поглощать какую-либо жидкость, набирая ее в рот и проглатывая’. Префиксальные производные этого глагола маркируют различные фазы, способы, степень интенсивности осуществления действия *выпить*, *выпивать*,

напиться, попить, испить и др. Особые способы принятия жидкости в пищу представлены семантикой глаголов *сосать* ‘производя втягивающие движения губами и языком, извлекать из чего-либо жидкость, влагу’ и *хлебать* ‘принимать жидкую пищу глотками, черпая ложкой или отпивая через край’ и их производными *всосать, высосать, насосаться, присосаться, хлебнуть, выхлебать, нахлебаться* и др. Глагол *жаждать*, производный от существительного *жажда* ‘желание, потребность пить’, выражает состояние субъекта, испытывающего потребность в поглощении жидкости, а глагол *поить* называет ситуацию предоставления жидкости нуждающемуся в ней субъекту. Глагол *впитывать* называет физический процесс вбирания жидкости в поры, в результате чего лишенный влаги предмет намокает. Все эти глаголы обладают высокой метафорической активностью в русском языке: они выражают устойчивые переносно-образные значения, используются в иносказательных смыслах, входят в состав идиом и паремий.

Достаточно полную картину метафорической интерпретации исходного глагольного действия может представить совокупность образных слов и выражений, которые в русском языке прямо или косвенно мотивированы соответствующим глагольным словом. Такая комплексная единица образного строя языка обозначается нами термином «мотивационно-образная парадигма» (МОП). Её составляют однокоренные образные слова, непосредственно или опосредованно восходящие к одной мотивирующей лексической единице, а также устойчивые образные выражения, включающие эту единицу в иносказательном значении (Юрина, 2005: 77—78). Применительно к анализируемому материалу вершинами мотивационно-образных парадигм являются глаголы с семантикой поглощения жидкости в первичных значениях. Лексико-фразеологический состав образных номинаций демонстрирует метафорические проекции исходного образа из области физиологии на другие сферы физического мира, внутреннего мира человека (чувств, эмоций, мышления), общественной жизни.

Так, в образной парадигме глагола *пить* было обнаружено 49 образных слов и выражений. Языковые метафоры: *пить* а) ‘вдыхать свежий воздух, аромат’ — *Какой необъятный, какой чистый простор! И эта предвестница недалеких морозов — утренняя свежесть; ее пьешь, она отдает живительным ароматом арбуза* (Б. Можяев. Саня); б) ‘остро ощущать что-л., испытывая удовольствие’ — *Там из чаши забвения он пил настоящее, подлинное время. Пил захлеб, как первый марафонец, — заливая смертью жажду* (А. Иличевский. Известняк); *испить* ‘испытать, познать, прочувствовать’ — *Борис, как истинный гурман, знает, что испить всю прелесть женщины на бегу, на ходу нельзя, поэтому его связи тянутся не меньше полугодом, но и не больше двух лет* (Е. Белкина. От любви до ненависти) и др. Образные лексемы с метафорической внутренней формой: *упоительный* ‘выражающий восторг, восхищение’ — *После тряски, завываний мотора, погони и грохота выстрелов тишина оказалась упоительной* (М. Гиголашвили. Чертово колесо). Фразеологизмы: *выпить все соки* ‘лишить психологических, физических сил’ — *Каждого человека формируют какие-то свои годы. Каждого — свои. Евгению Ильичичну навсегда сформировали эти — ползучая, долгая, выпивающая все соки война* (Л. Кабо. ...И не забывай, что я тебя люблю). Пословицы и поговорки: *с лица воду не пить* ‘внешняя

красота не является главным достоинством человека’ — *В один из дней она, окончательно рассмотрев себя в беспристрастном зеркале, решила, что с лица воду не пить, потому что многое решает фигура* (Т. Соломатина. Девять месяцев, или «Комедия женских положений»); *которой рекой плыть, ту воду и пить* ‘сделав определенный жизненный выбор, необходимо ему следовать и выполнять принятые обязательства’ — *То есть жульничать? — Ну зачем же... Которой рекой плыть, ту и воду пить. Даже то немного, что успел преподать Зубр, было достаточно* (Д. Гранин. Зубр) и др. Прецедентные образные выражения: *поздно пить боржоми, когда почки отвалились* ‘не имеет смысла предпринимать какие-либо меры после того, как негативные последствия критической ситуации уже наступили’ — *Я думаю, закон быстро поправят или отменят, — надеется Олейник. — Но уже поздно что-либо делать. Как говорится, поздно пить боржоми, когда почки отвалились* («Федеральное агентство новостей») и др.

Количественный состав парадигм с другими глагольными вершинами представлен следующим образом: глагол *сосать* является мотивирующим для 78 образных слов и выражений, *хлебать* — для 19 образных единиц, *жаждать* — 1 языковая метафора, *поить* — 18 образных единиц, *впитывать* — 11. Приведём несколько примеров: устойчивые метафорические лексико-семантические варианты *засосать* ‘сильно увлечь, вызвав желание заниматься какой-либо деятельностью’ — *Телефон требует больше внимания, он как бы «засасывает» водителя, переключая внимание в первую очередь на разговор* (Известия); *жаждать* ‘очень сильно желать чего-либо, стремиться к чему-либо’ — *К тому же, он жаждал разыскать легендарные сокровища царя Соломона, которые, по неизвестным истории причинам, якобы спрятаны были в тайнике где-то в Толедо* (Д. Рубина. Белая голубка Кордовы) и др.; метафорические дериваты *расхлебывать* ‘исправлять последствия неверных действий; улаживать сложную, неприятную ситуацию’ — *И если в трезвом состоянии был способен скрывать свои чувства, то, выпивши, мог наговорить им такого, что потом приходилось расхлебывать не одну неделю* (Истории из жизни); фразеологизмы *впитывать как губка* ‘усваивать, воспринимать что-либо легко и быстро’ — *В Ленбалете мы консультировали группу молодых ребят, которые впитывали, как губка, наши замыслы и идеи* (Совершенно секретно) и др.; поговорки: *ласковый телёнок двух маток сосёт* ‘обходительный, угодливый человек пользуется всеобщим покровительством’ — *Девушки, хитрее надо быть, хитрее. Так подвести, что вроде бы ты для его же пользы и пользы его мамы это делаешь. Еще народная мудрость гласит, что ласковый телёнок двух маток сосет* (Комментарий в чате) и др.

Исходная семантика поглощения жидкости представлена в качестве основания метафорических проекций в ряде образных единиц парадигмы глагола *глотать*, обозначающего заключительную фазу процесса поглощения пищи. Это устойчивое сравнение *как глоток (чистой) воды* ‘о чем-либо очень важном, ценном, долгожданном’ — *Когда я вернулся на другой день с охоты — это было как глоток воды, я бы умер от нервного истощения!* — *Ася встретила меня у калитки дома* (Ю. Трифонов. Старик); *Сводки новостей о Вселенной прослушала она с наигранным равнодушием, хотя и ловила каждое слово, как глоток чистой воды в засуху...* (Улья

Нова. Инка); а также идиомы, в которых именной компонент со значением объекта образно ассоциируется с водой/жидкостью: *глоток свежего воздуха* ‘положительный факт, приятный момент, доставляющий радость, удовольствие’ (свежий воздух как чистая вода), *глоток свободы* ‘проявление независимости на фоне угнетения’ (свобода как свежий воздух) — *Можно любить или не любить ТВС или его собственников, но с закрытием канала дышать станет труднее. Оно было глотком свободы, глотком свежего воздуха* (Независимая газета).

Анализ семантики и текстовой реализации образных лексических и фразеологических репрезентаций метафоры поглощения жидкости позволяет выявить основные направления метафоризации этих процессов. Начальным пунктом исследования выступает когнитивное моделирование прототипического сценария области-источника, элементы которого подлежат метафорической интерпретации.

Пропозиционально-фреймовая структура ситуации поглощения жидкости и аспекты её метафоризации. Когнитивная модель семантики глагола представляет собой аналог некоего вида деятельности с полной реконструкцией компонентов, маркирующих участников и обстоятельства означаемой ситуации. Для описания её концептуальной структуры используются термины «фрейм», «слот», «пропозиция» (Арутюнова, 1976; Кубрякова, 1992; Кустова, Падучева, 1994; Минский, 1979; Филлмор, 1968, 1988).

Базовая ситуация поглощения жидкости (*пить*) предполагает физиологический процесс, который осуществляется мышечными усилиями органов ротовой полости субъекта. Фрейм *пить* состоит из двух субфреймов: 1) ‘субъект набирает жидкость из ёмкости в рот’, 2) ‘субъект проглатывает жидкость’. В первом субфрейме способ перемещения не маркируется, хотя, как правило, мы пьём, переливая небольшое количество жидкости в рот через край посуды. Поэтому глагол *пить* может употребляться в более широком значении и в ряде контекстов обозначать также ситуации специфического поглощения жидкости: *Малыш пьёт/сосёт молоко из соски. Отпить/отхлебнуть чай из чашки*. В метафорическом функционировании этого глагола и его производных способ перемещения жидкости не актуализируется. В фокусе образной характеристики оказывается само перемещение, направленное на наполнение субъекта и опустошение источника: *Скорее всего, Полуяхтенко пил из более полноводного финансового источника, а минибиржа труда была у него для отвода глаз и, конечно же, для души* (А. Матвеева. Голев и Кастро. Приключения гастарбайтера).

Второй субфрейм, соответствующий семантике глагола *глотать*, присутствует также в концептуальной структуре всех других рассматриваемых фреймов. Стандартный объем помещаемой в рот жидкости обозначается лексемой *глоток*, метафорическая семантика которой связана с представлением о небольшом объеме вдыхаемого воздуха, переживаемых эмоций, получаемой информации: *И здесь очень важно, где именно ты увидел свет и вдохнул первый глоток воздуха* (В. Молчанов, К. Сегура. И дальше века...); *Экстремалы — на редкость упертый народ. Чтобы получить желаемый «глоток адреналина», они готовы на очень и очень многое* (Аргументы и факты); *Прелестная повесть «Вино из одуванчиков», я ее читаю по глоточку* (Ю. Даниэль. Письма из заключения).

Различие ситуаций, представленных в первичной семантике анализируемых глаголов, связано с неодинаковыми способами перемещения жидкости: а) набиравание в рот с поверхности или через край посуды (**пить**), б) вытягивание жидкости через небольшое отверстие (**сосать**); в) шумное, интенсивное набиравание в рот жидкости (**хлебать**); г) использование инструмента с небольшой ёмкостью (ложки, руки) для набирания жидкости/жидкой пищи и её перемещения (**хлебать**).

В структуре фрейма **сосать** первый субфрейм имеет полипропозициональную структуру: а) ‘субъект помещает в рот и крепко захватывает губами ту часть ёмкости с жидкостью, в которой имеется отверстие, или специальное приспособление (сосок, соску, трубочку), примыкающее к ёмкости или погруженное в неё’, б) ‘субъект вытягивает жидкость из ёмкости через отверстие или приспособление с отверстием, создавая вакуум посредством сокращений мышц губ и языка’. В метафорических проекциях актуализируется как первая, так и вторая пропозиции данного субфрейма: а) **присосаться** ‘прочно закрепиться, стать характерным признаком чего-либо’ — *Как присосалась к России вся эта византийщина!* (Ю. Нагибин. Дневник); б) **засосать** ‘полностью охватить, вовлечь в какое-л. психологическое, физиологическое состояние’ — *Но размышляя о собственном сне, я думаю о том, что просыпаюсь рано потому, что боюсь, что сон засосет и я не проснусь* (С. Есин. Марбург).

Прототипической ситуацией, ассоциируемой с лексическим концептом «сосать», является питание младенца, что также находит отражение в процессе метафоризации и на языковом (лексика и фразеология), и на дискурсивном (авторские метафоры) уровнях: *Я писал, что вырос в семье, где очень сильны были толстовские убеждения, всосал их с молоком матери* (З. Масленникова. Разговоры с Пастернаком); *Олигархи присосались к материнской груди государства — так что теперь иных приходится отрывать вместе с самой грудью* (Известия). Через образ младенца, сосущего молоко матери, метафорически выражается представление об отсутствии у кого-либо необходимого опыта и компетенций в силу слишком молодого возраста: *Что, не могли послать постарше, а то сосунков присылают. Покраснев, Андрей попросил больного лечь в постель и раздеться* (Л. Дурнов. Жизнь врача); *Ученики его, эти молокососы, которым он толковывал про Рубенса и про Стравинского, куда лучше него разбирались в порядках этих канцелярий и кабинетов* (Д. Гранин. Зубр).

Также поглощение жидкости путем высасывания устойчиво ассоциируется с образами кровососущих насекомых и животных (комар, клещ, пиявка), а также с ситуацией поглощения крови из тела человека или животного (вампиризм). Эти образы находят отражение в метафорической семантике глаголов **присосаться**, **всосаться**, **высосать**, **впитаться** и др. и в образных выражениях с исходным значением поглощения крови, которые называют различные аспекты психологического, экономического, социального паразитирования: *Ахмедыч своего не упустит, вопьется в этого Ламзина как клещ, хватка у него знатная* (А. Маринина. Ангелы на льду не выживают); *Эти обиды, они как пиявки — прилипают и сосут твою энергию, твою душу, твоё настроение. Надо отрывать и выбрасывать* (А. Сурикова. Любовь со второго взгляда).

Глагол *хлебать* называет две ситуации, которым соответствуют две фреймовые структуры. Фрейм *хлебать*¹ передает ситуацию поглощения жидкости большими глотками, в чрезмерно большом количестве или шумное, резкое набирание жидкости в рот с последующим её проглатыванием (два субфрейма). Интенсивность исходного действия актуализируется при его образном переосмыслении в метафорических словах и высказываниях, описывающих ситуации получения жизненного опыта, как правило, негативного, эмоциональных впечатлений и переживаний, различной информации и знаний. Подчеркивается объем и скорость получаемого опыта, внезапность и сила воздействия: *Режим, при котором прошла его жизнь и который он хлебал полными горстями, все же его не озлобил* (В. Катанян. Прикосновение к идолам); *Остается хлебать спецэффекты, словно шампанское из ведра* (Биржа плюс свой дом). Фрейм *хлебать*² демонстрирует ситуацию поглощения жидкой пищи при помощи ложки. Эта ситуация отражается в устойчивых образных выражениях, актуализирующих аспект совместной деятельности, которая метафорически описывается по аналогии с совместным приемом пищи: — *Вы что, служили вместе? — настороженно поинтересовался он. — Да, почти полтора года из одного котелка хлебали!* (Леонов); *«Черным» риторам теперь хлебать баланду* (Вслух.ру). Поскольку жидкая пища ассоциируется с бедностью (ср. погов.: *кому — суп жидкий, а кому — жемчуг мелкий*), а глагол *хлебать* имеет разговорную, а в некоторых употреблениях просторечную стилистическую коннотацию, образные выражения несут семантику тюремного заключения (*баланду хлебать*), социального неблагополучия (*лаптем щи хлебать*), негативных событий (*расхлебывать кашу*), необдуманных опрометчивых действий (*за семь верст киселя хлебать*).

В ситуации, когда нуждающийся в питье субъект по каким-либо причинам сам не способен осуществить данный физиологический процесс, присутствует посредник, предоставляющий жидкость и помогающий субъекту её пить. Пропозициональная структура фрейма *поить* может быть описана следующим образом: субфрейм 1 — ‘субъект-посредник перемещает ёмкость с жидкостью в зону доступа субъекта поглощения’, субфрейм 2 — ‘субъект-посредник перемещает жидкость в ротовую полость субъекта поглощения’. Второй субфрейм реализуется при физической неспособности принимающего субъекта поместить жидкость в рот самостоятельно (младенец, больной и т.п.). В фокусе метафорических проекций оказывается ситуация снабжения чего-либо/обеспечения кого-либо чем-то важным, необходимым, ценным — *Да, ваши «Песни ведьм», напоенные ароматом древнеязыческих заклинаний, в трактовке этого коллектива произвели ошеломляющее впечатление на слушателей* (Российская музыкальная газета), а также изменение состояния принимающего субъекта, воздействие, влияние на него — *О чем же могли говорить два фабрикатора суда чести [Сталин и Жданов], два изготовителя зелья, которым вскоре будут поить миллионы людей?* (М. Голубовский. Биотерапия рака, «дело КР» и сталинизм).

Особое качество ситуация приобретает при поглощении алкогольных напитков. В этом случае происходит не только изменение физиологического состояния пьющего (удовлетворение жажды), но также изменение его психического (воодушевление, эмоциональный подъем) и ментального (неадекватное восприятие

реальности) состояния, что также проецируется на образно характеризующие ситуации: *Думаю, что карточный **запой**, как можно бы назвать наши многочасовые бдения за ломберным столом, служил благодатной отдушиной* (О. Волков. Из воспоминаний старого тенишевца).

Наконец, поглощение жидкости может протекать не только как физиологический, но и как физический процесс, при котором жидкость проникает в пористую структуру предмета или органа непосредственно с поверхности при соприкосновении (*впитывать*). Структура фрейма включает 2 субфрейма: 1) ‘поверхность объекта соприкасается с жидкостью’, 2) ‘жидкость проникает в объект’. При метафоризации данного фрейма актуализируются такие аспекты исходной ситуации, как интенсивность наполнения влагой принимающего объекта (наполнение происходит всей поверхностью) и изменение его состояния (утрата прежнего качества (сухой, лишенный влаги) и приобретение нового качества (мокрый, наполненный влагой)). В метафорической интерпретации таким образом описываются ситуации влияния определенной среды на формирование характера и мировоззрения человека, получение знаний, жизненного опыта: *Изivot убеждение, **впитавшееся** в кровь и плоть каждого участвующего в политической жизни России, предопределило и характер борьбы, и её формы и подходы* (Наука и жизнь); *Надо только почаще **внимать** поэтическому слову, **впитывать** его каждодневно, и тогда непременно мы станем лучше, чище, достойней и благородней* (В. Астафьев. Затеси).

Фреймовые структуры, представленные глагольной семантикой, состоят из слотов: а) субъект поглощения; б) субъект-посредник; в) состояние субъекта поглощения (жажда); г) действие, производимое субъектом (перемещение); д) объект поглощения/перемещения (жидкость); е) пространство (ёмкость/сосуд, полости в органах, тканях, материалах); д) инструмент (органы ротовой полости, ложка, соска). Каждый компонент исходной фреймовой структуры — как отдельный слот, так и пропозиция в целом, — оказывается задействован при метафорической характеристике различных ситуаций из других концептуальных областей. В качестве субъекта поглощения метафорически могут быть представлены человек (*он с малолетства **хлебнул лиха***), болезнь (*это та болезнь, которая действительно **высасывает соки***), эмоция (*тоска **сосала** остатки сил*), мысли (***впивались** в сознание все новые и новые сомнения*), состояния (***засасывающий сон***), деятельность (*делание денег **высасывало** из него все соки*), социальные структуры (*частные компании **попытаются выпить** из нас все соки; Россия еще не **выпила** свою чашу*), природный объект (*земля **высосет** молнию, **выпьет** вместе с дождевой водой*). Субъект-посредник представлен как человек или группа лиц (*кремлевская свита **поила** его наркотиками комплиментов*), природный объект (*влажный воздух из бухты был **напоен** свежестью моря*), мысли (*запрягала она пережитое в глубь памяти, но и оттуда, из глубины, оно **поило** ее радостью*), организации (*раньше информационное **пойло** вкачивали в человеческие души, и люди жаловались, что они под чужим контролем*). Из приведенных контекстов видно, что по подобию сосуда с жидкостью мыслятся человек, содержащий в себе физиологические, психические, ментальные, социальные качества; политические и экономические сообщества, содержащие правовые и экономические ресурсы (финансы, власть,

человеческий капитал, информацию); носители информации (книги, радио, телевидение); пространственные объекты живой и неживой природы (*я стоял, ожидая пока старух всосёт в подъезд*).

Важным аспектом метафоризации является грамматическая характеристика мотивирующих глаголов. Видовые и возвратные формы, а также семантика приставок маркируют циклический или однократный характер протекания действия, степень его интенсивности, временную и результативную фазы его осуществления. Например, глагол *хлебнуть* отражает ситуацию однократного интенсивного поглощения большого объема жидкости или жидкой пищи, *нахлебаться* — полную степень реализации этого процесса в результате его многократного повторения. Все эти аспекты исходной ситуации транслируются в метафорических проекциях: *Самая могучая в мире партия зашаталась, люди хлебнули воздуха свободы, и назад, к старым методам управления страной, возврата быть не могло* (В. Доценко. Тридцатого уничтожить!); *Характер его жаждал нахлебаться всякой всячины, прежде чем укрыться в тиши лаборатории* (Д. Гранин. Зубр).

При этом исходная ситуация, лежащая в основе образной характеристики различных фактов и событий, может присутствовать в образной семантике слов и выражений и разворачиваться в структуре метафорических высказываний как субъектно-ориентированная ('субъект перемещает жидкость из ёмкости внутрь себя') или как объектно-ориентированная пропозиции ('объект утрачивает жидкость, перемещаемую из него субъектом'). В первом случае актуализируется конструктивный аспект поглощения — наполнение пьющего субъекта жидкостью: *И вы буквально пьёте этот мир, и наслаждение ваше не знает меры, а восторг — предела!* (И. Вольский. Пропасть им. Пантюхина). Во втором случае на первый план выходит деструктивный аспект этого процесса — опустошение ёмкости, утрата жидкости объектом: *Его вдруг мгновенной тягой высосала тоска по матери, о которой, честно говоря, он не так уж часто думал* (В. Аксенов. Новый сладостный стиль).

Когнитивные модели метафоризации поглощения жидкости в русском языке.

Теория когнитивной метафоры изложена в работах Дж. Лакоффа и М. Джонсона (1980) и их последователей, критически развивающих идеи о роли метафоры в процессах мышления и языковом представлении смыслов (Баранов, 1991; Gibbs, 1992; Glucksberg, 2001; Чудинов, 2001 и др.). По определению А.П. Чудинова, «метафорическая модель — это существующая и/или складывающаяся в сознании носителей языка схема связи между понятийными сферами, которую можно представить определённой формулой: “X — это Y”» (Чудинов, 2003: 70). Модели со сферой-источником «поглощение жидкости» дифференцируются в соответствии с концептуальными основаниями проекций исходных образов и понятийными сферами, явления которых подлежат метафорической интерпретации. Под концептуальными основаниями имеются в виду такие обобщенные качества исходной и метафорически описываемой ситуаций, которые вариативно присутствуют в каждой из них. В результате исследования нами были выявлены три глобальных основания метафоризации: 'наполнение ресурсом', 'извлечение ресурса (опустошение)', 'присоединение к источнику ресурса'. На них базируются три когни-

тивные модели, лежащие в основе метафоризации поглощения жидкости: 1) «поглощение жидкости и её перемещение внутрь пьющего — это наполнение субъекта/объекта чем-либо необходимым, ценным, значимым»; 2) «извлечение жидкости из ёмкости и её поглощение — это извлечение из субъекта/объекта чего-либо необходимого, ценного, значимого»; 3) «плотное соприкосновение и прямой контакт субъекта с ёмкостью при поглощении жидкости — это длительный и неизменный доступ субъекта/объекта к источнику чего-либо необходимого, ценного, значимого». Все эти модели восходят к базовой «контейнерной метафоре», описанной Дж. Лакоффом и М. Джонсоном. Первая и вторая из них актуализируют оппозицию «полный — пустой», которая имеет широкий спектр разнообразных метафорических и символических смыслов. Третья модель отражает метафоризацию ситуации механического соединения — концептуальную метафору связи, ядро которой составляют качества «крепкий, прочный, плотный» и их противоположности, которые в совокупности можно обозначить прилагательным *слабый* («некрепкий, непрочный, неплотный»). В метафорическом и символическом смыслах через этот образ выражаются идеи надёжности, постоянства, долговечности, пространственной и духовной близости.

Далее рассмотрим, какие целевые домены представлены в рамках каждой из базовых когнитивных моделей.

Идея наполнения присутствует в следующих частных моделях:

1. Механическое перемещение (втягивание) веществ и мелких предметов внутрь ёмкостей при помощи специальных аппаратов посредством движения воздушной струи и вакуумного давления — это поглощение жидкости: *Агрегат так и назывался: пылесос. С годами установка стала намного компактнее, а вот название сохранила. А как же ей называться, если она пыль сосет?* (В. Быков, О. Дергач. Книга века).

2. Физиологический процесс наполнения лёгких воздухом и ощущение его аромата — это поглощение жидкости и ощущение её вкуса: *Воздух был прохладным и свежим, и Коль жадно хлебал ночной таежный дух* (В. Рыбаков. Вода и кораблики).

3. Психологический процесс эмоционального переживания значимых событий жизни — это поглощение жидкости: *Анне Андреевне Ахматовой довелось испить ужас сталинской эпохи сполна* (И. Ефимов. Шаг вправо, шаг влево); *Не знаю, что бы я делала в это страшное время, если бы не трое моих друзей. Встретиться с ними — выпить живой воды* (И. Грекова. Без улыбок).

4. Ментальный процесс получения и обработки информации в результате восприятия сообщения или непосредственного жизненного опыта — это поглощение жидкости: *Все, что они подхватывают из попадающихся им записей и книг, все это они всасывают верхними корками ума, но мало что проникает в их святая святых, составляя зерно их сердца* (Семейный доктор); *Вообще-то, русского кина скоро совсем не будет — будем хлебать американскую баланду* (Э. Володарский. Дневник самоубийцы).

5. Социальный процесс получения доходов и выгоды — это поглощение жидкости: *Мы Россию кормим, а вы — паразиты, деньги только сосёте, а толку от вас* (М. Чулаки. Примус).

Идея утраты необходимого ресурса в результате поглощения жидкости образно характеризует следующие процессы и явления:

1. Механическое перемещение (погружение под действием силы тяжести) какого-либо предмета в зыбучее или вязкое вещество, которым заполнено пространство — это поглощение жидкости: *Прямиком пойдешь — трясина засосет, в обход — лешие да кикиморы тропы запутали* (В. Бурлак. Хранители древних тайн).

2. Физиологический и ментальный процесс полного погружения в определенное состояние — это поглощение жидкости: *Размышляя о собственном сне, я думаю о том, что просыпаюсь рано потому, что боюсь, что сон засосет и я не проснусь* (С. Есин. Марбург).

3. Физиологический процесс утраты здоровья, жизненных сил — это поглощение жидкости: *В тот вечер, придя домой, я долго и безнадежно смотрел в зеркало на своё жёлтое, высосанное малярией лицо* (Ф. Искандер. Письмо); *Клиническая депрессия высушивает человека, выпивает мотивы и стремления* (С. Солдатенко. Ева).

4. Психический процесс утраты ощущения счастья, гармонии, радости, бодрости в результате эмоциональных переживаний, отрицательных психологических воздействий, напряженной работы — это поглощение жидкости: *Он ничего не чувствовал, кроме засасывающего нудного беспокойства* (В. Аксенов. Новый сладостный стиль). *Помню, на защите кандидатской ей предложили дать сразу степень доктора. Совет отклонил. Докторская выпила у нее много крови* (Знание — сила).

5. Социальный процесс утраты ресурсов, материальных благ, политических привилегий, независимости — это поглощение жидкости: *При советской власти все соки из общества высасывали не забота о людях, не образование и медицина, а военно-промышленный комплекс* (Знание — сила); *Система засасывала всех, даже самых порядочных и честных* (А. Яковлев. Омут памяти).

Идея прочного присоединения к источнику какого-либо ресурса представлена в следующих моделях.

1. Механический процесс интенсивного соприкосновения чего-либо острого, жесткого с предметом или телом — это присоединение органов ротовой полости к ёмкости для питья: *Продавец Петр Максимыч приложил к клеёнке деревянный метр, отмерил сколько надо, и с треском ножницы впились в клеёнку, разрубая васьльки* (Ю. Коваль. Клеенка); *Я сидел в неудобном пластиковом кресле. Болел бок, в который впился подлокотник* (С. Юрский. Бумажник Хофмана).

2. Физиологический процесс интенсивного зрительного восприятия какого-либо объекта и ментальный процесс внимательного наблюдения за ним — это присоединение органов ротовой полости к ёмкости для питья: *Вот что мы ему говорили своими присосавшимися взглядами, а главное, каким-то терпеливым ожиданием* (Ф. Искандер. Школьный вальс, или Энергия стыда); *У которых имелся телевизор буквально впились взором в маленький экран* (И. Архипова. Музыка жизни).

3. Психические и ментальные процессы навязчивых эмоциональных переживаний, размышлений — это присоединение органов ротовой полости к ёмкости

для питья: *Конечно, будет, если его сердце останется открытым для людей и если пиявка недоверия не присосется к его сердцу* (Г. Троепольский. Белый Бим Черное ухо); *Она впиалась, эта тоска, в один небольшой уголок земли, и оторвать ее можно только с жизнью* (В. Набоков. Другие берега).

4. Процессы межличностного общения и речевого взаимодействия, при которых один субъект настойчиво воздействует на другого — это присоединение органов ротовой полости к ёмкости для питья: *Но Второв, неудовлетворенный кратким ответом, продолжал впииваться в него, будто стараясь выдрать из подкормки сокровенные мысли* (С. Данилюк. Рублевая зона).

5. Ментальный процесс длительного удержания в памяти информации — это присоединение органов ротовой полости к ёмкости для питья: *Мужикам эта информация в мозги впиивается намертво* (Комментарий в чате).

6. Социальный процесс увлеченного занятия каким-то делом, азартной профессиональной деятельности — это присоединение органов ротовой полости к ёмкости для питья: *Олег отличался необыкновенной любознательностью, он страстно любил читать и буквально впиивался в каждую интересующую его книгу* (Альфа и Омега).

7. Социальный процесс получения личной выгоды, обогащения за счет другого — это присоединение органов ротовой полости к ёмкости для питья: *Попов, человек, постоянно живущий в состоянии гениальности и не приученный признавать поражений, ответил: «Арнольд Григорьевич, вы присосались к Игорю Кио — с ним и занимайтесь»* (И. Кио. Иллюзии без иллюзий).

Заключение

Подводя итоги проведенного исследования, следует отметить, что концептуальная метафора поглощения жидкости составляет определенный фрагмент метафоры поглощения пищи вообще, поскольку базируется на единых с ней концептуальных основаниях, связанных с процессами наполнения субъекта, опустошения ёмкости и потребления продукта в процессах еды и питья. Процессуальная гастрономическая метафора имеет универсальную природу, так как отражает архаический опыт, изначально заложенный в телесной природе человека, формах его хозяйственной деятельности, способах и средствах формирования культурной среды. Именно поэтому пищевой код культуры составляет функционально нагруженную и востребованную в коммуникативных, ритуальных и сакральных практиках систему символического означивания. Ситуации приготовления и поглощения пищи служат прототипом человеческой жизнедеятельности в целом, отражают общекультурную символику описания жизни человека через циклы производства и потребления продуктов питания.

Метафоризация и символизация поглощения жидкости имеет и свои особенности, обусловленные физическими свойствами жидкости, физиологическими особенностями её поглощения, культурной семантикой определенных напитков, ритуальными способами их употребления. Так, основными культурно-маркированными напитками в русской лингвокультуре выступают вода, молоко и алкоголь (вино, водка). Образные средства русского языка и их дискурсивное функцио-

нирование демонстрируют широкий спектр метафоризации и символизации различных качеств этих напитков и способов их употребления, отмеченных в мифах, фольклоре, традициях и обычаях русского народа: жизненная ценность и живительная сила воды, генетическая память, передаваемая через молоко, совместное питье из одного сосуда, способность жидкости передавать свои качества и изменять состояние принимающего её субъекта, наполнять его силой и энергией. Эти культурные смыслы транслируются при проекции образа жидкости на ценные для человека психологические, интеллектуальные и социальные ресурсы: положительные эмоции, знания, информацию, жизненный и профессиональный опыт, деньги, материальные ценности, социальные привилегии и т.д. Через образы поглощения жидкости также метафорически выражаются негативные ситуации: получение отрицательного жизненного опыта, пребывание в неблагоприятной среде, получение негативной информации из некачественных источников, утрата необходимого ресурса.

Метафора поглощения жидкости обладает существенным прагматическим потенциалом: семантика языковых единиц передает систему сложившихся в культуре стереотипных оценок и ценностей, а в речевом употреблении служит средством создания экспрессии, выражает эмоциональную оценку характеризуемым объектам со стороны говорящего. Кроме того, она может целенаправленно использоваться для реализации определенных коммуникативных тактик и стратегий. Данный аспект остался за рамками статьи, но заслуживает особого внимания и составляет перспективу дальнейшего исследования.

Список литературы

- Алефиренко Н.Ф.* Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. М.: Академия, 2002. 394 с.
- Арутюнова Н.Д.* Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы. М.: Наука, 1976. 383 с.
- Банкова Т.Б.* Кулинарный код сибирских семейных обрядов: объективация в языке. Обрядовое слово как языковой и культурный феномен: статус и региональная специфика // Вестник ТГУ. 2006. № 112. С. 25—33.
- Баранов А.Н.* Очерк когнитивной теории метафоры // Русская политическая метафора (материалы к словарю). М., 1991. С. 184—193.
- Бойчук А.С.* Группа «наименования блюд» как часть системы гастрометафор русского языка // Грани познания. 2009. № 1(2). URL: http://grani.vspu.ru/files/publics/20_pub.pdf (дата обращения: 15.07.2018).
- Боровкова (Балдова) А.В.* Пищевая метафора как средство выражения оценки и ценностей (на материале образной лексики и фразеологии русского языка) // Вестник ТГУ. 2015. № 396. С. 5—13.
- Воркачев С.Г.* Любовь как лингвокультурный концепт. М.: Гнозис, 2007. 285 с.
- Гынгазова Л.Г., Иванцова Е.В.* Трансформация сибирской пищевой традиции в дискурсе диалектной языковой личности: напитки // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 50. С. 17—35.
- Гудков Д.Б.* Коды русской культуры: проблемы описания // Мир русского слова. 2005. № 1—2. С. 25—31.

- Дормидонтова О.А.* Коды культуры и их участие в создании языковой картины мира (на примере гастрономического кода в русской и французской лингвокультурах) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. Вып. 9. С. 201—205.
- Живаго Н.А.* Метафоризация гастрономической деятельности в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2018. 25 с.
- Илюхина Н.А.* Метафорический образ в семасиологической интерпретации: монография. М.: Флинта; Наука, 2010. 320 с.
- Капелюшник Е.В.* Кулинарные образы, характеризующие мир человека // Молодой ученый. 2011. Т. 1. № 2. С. 207—214.
- Карасик В.И., Слышкин Г.Г.* Лингвокогнитивный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2001. С. 75—79.
- Ковшова М.Л.* Анализ фразеологизмов и коды культуры // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2008. Том 67. № 2. С. 60—65.
- Красных В.В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций. М.: Гнозис, 2002. 284 с.
- Красных В.В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003. 375 с.
- Кубрякова Е.С.* Глаголы действия через их когнитивные характеристики // Логический анализ языка: модели действия. М., 1992. С. 84—90.
- Кустова Г.И., Падучева Е.В.* Словарь как лексическая база данных // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 96—106.
- Минский М.* Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979. 151 с.
- Национальный корпус русского языка. URL: www.ruscorpora.ru (дата обращения: 19.07.2018).
- Славянские древности: этнолингвистический словарь. Т. 1. А—Г / Российская академия наук; Институт славяноведения и балканистики; под ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995. 584 с.
- Славянские древности: этнолингвистический словарь. Т. 3. К—П / Российская академия наук; Институт славяноведения и балканистики; под ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 2004. 704 с.
- Славянские древности: этнолингвистический словарь. Т. 4. П—С / Российская академия наук; Институт славяноведения и балканистики; под ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009. 656 с.
- Словарь русской пищевой метафоры. Т. 1. Блюда и продукты питания / сост.: А.В. Боровкова, М.В. Грекова, Н.А. Живаго, Е.А. Юрина; под ред. Е.А. Юриной. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2015. 428 с.
- Словарь русской пищевой метафоры. Т. 2. Гастрономическая деятельность / сост.: А.В. Балдова, М.В. Грекова, Н.А. Живаго, Е.А. Юрина; под ред. Е.А. Юриной. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2017. 546 с.
- Склярёвская Г.Н.* Метафора в системе языка. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004. 166 с.
- Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 285 с.
- Токарев Г.В.* Лингвокультурология: учебное пособие. Тула: Тул. гос. пед. ун-т им. Л.Н. Толстого, 2009. 135 с.

- Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. М., 1988. С. 52—92.
- Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000). Пермь, 2001. 238 с.
- Шестак Л.А. Русская языковая личность: коды образной вербализации тезауруса: монография. Волгоград: Перемена, 2003. 312 с.
- Шаклеин В.М. Лингвокультурология: традиции и инновации. М.: Флинта, 2012. 301 с.
- Юрина Е.А. Образный строй языка. Томск: Том. гос. ун-т, 2005. 156 с.
- Юрина Е.А. Вкусные метафоры: пищевая традиция в зеркале языковых образов. Кокшетау, 2013. 238 с.
- Юрина Е.А., Живаго Н.А. Метафоризация поглощения пищи в образном строе русского языка // Вестник ТГУ. Филология. 2015. № 3. С. 107—121.
- Fillmore Ch. The case for case // Universals in linguistic theory. London; Toronto, 1968. Pp. 1—88.
- Gibbs R. Categorization and metaphor understanding // Psychological Review. 1992. Vol. 99 (3). Pp. 572—575.
- Glucksberg S. Understanding Figurative Language — From Metaphors to Idioms. N.Y.: Oxford University Press, 2001. 144 p.
- Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago: University of Chicago Press, 1980.

© Юрина Е.А., 2018

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 28.05.2018

Дата принятия к печати: 15.07.2018

Для цитирования:

Юрина Е.А. Концептуальная метафора поглощения жидкости в пищевом коде русской лингвокультуры // Русистика. 2018. Т. 16. № 4. С. 428—450. DOI: 10.22363/2618-8163-2018-16-4-428-450

Сведения об авторе:

Юрина Елена Андреевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Национального исследовательского Томского государственного университета. *Сфера научных интересов:* языковая образность, теория метафоры, когнитивная семантика, лингвокультурология, теория дискурса, теория и практика лексикографии, корпусная лингвистика. Автор более 130 научных публикаций, из них 3 монографии, 12 словарей. *Контактная информация:* yourina2007@yandex.ru

Благодарности:

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 18-18-00194 «Образная система русского языка в полидискурсивном пространстве современных коммуникаций» (2018—2020 гг.).

Liquid intake conceptual metaphor in Russian cultural and linguistic gastronomic code

Elena A. Yurina

National Research Tomsk State University
36 Lenina Ave., Tomsk, 634050, Russian Federation

The paper presents profound findings of figurative linguistic manifestation of the gastronomic code of Russian culture. Lexical and phraseological nominations representing liquid intake conceptual metaphor in Russian are considered in linguocultural and cognitive-pragmatic aspects. This study is set within the framework of the theories of linguoculture and linguistic figurativeness, cognitive theory of metaphor, and propositional and frame-based analysis of lexical semantics of verbs. The analysis offered in the paper shows how structurally different words and expressions are metaphorically motivated by the verbs *pit'* (*drink*), *khlebat'* (*gulp down, drink noisily, spoon up*), *sosat'* (*suck, suckle, draw*), etc. and their derivatives, translating the system of meanings represented by the basic cognitive model “X — is Liquid Intake”. As a result the fragment of the Russian linguistic world view is described related to figurative reflection of different physical, social, psychological, mental processes and phenomena by analogy with the stated physiological processes; the conceptual model of the source domain is presented in the form of propositional and frame-based structure, the components of which are to be metaphorically interpreted; target domains including metaphorical nomination are characterized; cognitive bases for metaphorical analogues are identified; metaphorical dimensions are described in the form of cognitive schemes of images. Based on the analysis of context manifestation of figurative semantics the pragmatic potential of liquid intake metaphor is described related to the expression of speaker's views and values towards the objects of speech. Linguocultural commentary is presented revealing cultural and historical sources of metaphorization and symbolization of liquid intake.

Keywords: cultural code, conceptual metaphor, figurative language, phraseology, linguistic world view, pragmatics

References

- Alefirenko, N.F. (2002). *Poeticheskaya energiya slova. Sinergetika yazyka, soznaniya i kul'tury* [*The Poetical Energy of Words. Synergy of Language, Consciousness, and Culture*]. Moscow: Akademya Publ. (In Russ.)
- Arutyunova, N.D. (1976). *Predlozheniye i yego smysl: Logiko-semanticheskiye problemy* [*The sentence and its meaning: Logical and semantic problems*]. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Bankova, T.B. (2006). Kulinaryni kod sibirskikh semeynykh obryadov: objektivatsiya v yazyke. Obryadovoye slovo kak yazykovoi i kul'turnyi fenomen: status i regional'naya spetsifika. *Vestnik TGU* [Culinary Code of Siberian Family Rites: Objectivization in Language. Ritual Word as a Language and Cultural Phenomenon: Status and Regional Specificity. *Bulletin of TSU*]. Tomsk. (In Russ.)
- Baranov, A.N. (1991). *Ocherk kognitivnoi teorii metafory. Russkaya politicheskaya metafora (materialy k slovari)* [*Essay on the cognitive theory of metaphor. Russian political metaphor (material for a dictionary)*]. Moscow. (In Russ.)

- Boychuk, A.S. (2009). Gruppya «naimenovaniya blyud» kak chast' sistemy gastrometafor russkogo yazyka. *Grani poznaniya* [The group of “naming dishes” as part of the system of gastronomies of the Russian language. *Borders of knowledge*]. Retrieved July 15, 2018 from http://grani.vspu.ru/files/publics/20_pub.pdf
- Borovkova, A.V. (2015). Pishchevaya metafora kak sredstvo vyrazheniya otsenki i tsennostey (na materiale obraznoy leksiki i frazeologii russkogo yazyka). *Vestnik TGU* [Food metaphor as a means of expressing evaluation and values (on the material of figurative vocabulary and phraseology of the Russian language)]. *Bulletin of TSU*. (In Russ.)
- Vorkachev, S.G. (2007). *Lyubov' kak lingvokul'turnyi kontsept* [Love as a linguistic culture concept]. Moscow: Gnosis Publ. (In Russ.)
- Gyngazova, L.G., & Ivantsova, E.V. (2017). Transformatsiya sibirskoi pishchevoi traditsii v diskurse dialektnoi yazykovoï lichnosti: napitki. *Vestnik TGU. Filologiya* [Transformation of the Siberian food tradition in the discourse of the dialectal language personality: drinks. *Bulletin of TSU. Philology*]. 50, 17—35. (In Russ.)
- Gudkov, D.B. (2005). Kody russkoi kul'tury: problemy opisaniya. *Mir russkogo slova* [Codes of Russian culture: description problems. *The world of the Russian word*]. 1—2, 25—31. (In Russ.)
- Dormidontova, O.A. (2009). Kody kul'tury i ikh uchastiye v sozdanii yazykovoï kartiny mira (na primere gastronomicheskogo koda v russkoi i frantsuzskoi lingvokul'turakh). *Vestn. Tambov. un-ta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Codes of culture and their participation in the creation of a linguistic picture of the world (on the example of a gastronomic code in Russian and French linguocultures). *Bulletin of Tambov State University. Humanitarian sciences*]. 9, 201—205. (In Russ.)
- Zhivago, N.A. (2018). *Metaforizatsiya gastronomicheskoi deyatel'nosti v russkom yazyke* [Metaphorization of gastronomic activity in the Russian language] [Author's abstr. cand. filol. diss.]. Tomsk. (In Russ.)
- Ilyukhina, N.A. (2010). *Metaforicheskii obraz v semasiologicheskoi interpretatsii* [The metaphorical image in the semasiological interpretation]. Moscow: Flint Publ.; Nayka Publ. (In Russ.)
- Kapelyushnik, E.V. (2011). Kulinarnye obrazy, kharakterizuyushchiye mir cheloveka. *Molodoi uchenyi* [Culinary images that characterize the world of man. *Young scientist*]. 2, 207—214. (In Russ.)
- Karasik, V.I., Slyshkin, G.G. (2001). Lingvokognitivnyi kontsept kak yedinita issledovaniya. *Metodologicheskiye problemy kognitivnoi lingvistiki* [Linguistic cognitive concept as a unit of research. *Methodological problems of cognitive linguistics*]. Voronezh: Voronezh State University Publ. (In Russ.)
- Kovshova, M.L. (2008). Analiz frazeologizmov i kody kul'tury. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka* [Analysis of phraseological units and codes of culture. *Proceedings of the Russian Academy of Sciences. A series of literature and language*]. 2 (67), 60—65. (In Russ.)
- Krasnykh, V.V. (2002). *Etnopsikholingvistika i lingvokul'turologiya: kurs lektsii* [Ethnopsycholinguistics and linguoculturology: a course of lectures]. Moscow: Gnosis Publ. (In Russ.)
- Krasnykh, V.V. (2003). «Svoi» sredi «chuzhikh»: mif ili real'nost'? [“Ours” among the “strangers”: myth or reality?]. Moscow: Gnosis Publ. (In Russ.)
- Kubryakova, E.S. (1992). Glagoly deystviya cherez ikh kognitivnyye kharakteristiki. *Logicheskii analiz yazyka: Modeli deystviya* [Verbs of action through their cognitive characteristics. *Logical analysis of language: Action models*]. Moscow. (In Russ.)
- Kustova, G.I., & Paducheva, E.V. (1994). Dictionary as a lexical database. *Questions of linguistics*. 4, 96—106. (In Russ.)
- Minskiy, M. (1979). *Freymy dlya predstavleniya znanii* [Frames for representation of knowledge]. Moscow: Energia Publ. (In Russ.)
- Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [National Corpus of the Russian language]. Retrieved August 19, 2018 from www.rucorpora.ru.

- Tolstoi, N.I. (1995). *Slavic antiquities: an ethnolinguistic dictionary*. Vol. 1. Moscow: International Relations Publ. (In Russ.)
- Tolstoi, N.I. (2004). *Slavic antiquities: an ethnolinguistic dictionary*. Vol. 3. Moscow: International Relations Publ. (In Russ.)
- Tolstoi, N.I. (2009). *Slavic antiquities: an ethnolinguistic dictionary*. Vol. 4. Moscow: International Relations Publ. (In Russ.)
- Borovkova, A.V., Grekova, M.V., Zhivago, N.A., & Yurina E.A. (2015). *Dictionary of Russian food metaphor. Vol. 1. Dishes and food stuffs*. Tomsk: Tom. Univ. Publ. (In Russ.)
- Baldova, A.V., Grekova, M.V., Zhivago, N.A., & Yurina E.A. (2017). *Dictionary of Russian food metaphor. Vol. 2. Gastronomic activity*. Tomsk: Tom. Univ. Publ. (In Russ.)
- Sklyarevskaya, G.N. (2004). *Metafora v sisteme yazyka [Metaphor in the system of language]*. Saint Petersburg: Philological Faculty of St. Petersburg State University Publ. (In Russ.)
- Teliya, V.N. (1996). *Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects]*. Moscow: Languages of Russian culture Publ. (In Russ.)
- Tokarev, G.V. (2009). *Lingvokul'turologiya: uchebnoe posobie [Lingvokulturologiya: textbook]*. Tula: Tula. State. Ped. University of L.N. Tolstoy Publ. (In Russ.)
- Fillmore, Ch. (1988). Freymy i semantika ponimaniya. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Kognitivnye aspekty yazyka [Frames and Semantics of Understanding. New in Foreign Linguistics. Cognitive aspects of the language]*. 23, 52—92. (In Russ.)
- Chudinov, A.P. (2001). *Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoye issledovaniye politicheskoi metafory (1991—2000) [Russia in the metaphorical mirror: a cognitive study of political metaphor (1991—2000)]*. Perm. (In Russ.)
- Shestak, L.A. (2003). *Russkaya yazykovaya lichnost': kody obraznoi verbalizatsii tezaurusy [Russian language personality: codes of figurative verbalization of the thesaurus]*. Volgograd: Peremena Publ. (In Russ.)
- Shaklein, V.M. (2012). *Lingvokul'turologiya: traditsii i innovatsii [Lingvokulturologiya: traditions and innovations]*. Moscow: Flinta Publ. (In Russ.)
- Yurina, E.A. (2005). *Obraznyi stroi yazyka [An imaginative system of language]*. Tomsk: Tom. State. Univ. Publ. (In Russ.)
- Yurina, E.A. (2013). *Vkusnye metafory: pishchevaya traditsiya v zerkale yazykovykh obrazov [Delicious metaphors: food tradition in the mirror of language images]*. Kokshetau: Keleshek Publ. (In Russ.)
- Yurina, E.A., Zhivago, N.A. (2015). Metaforizatsiya pogloshcheniya pishchi v obraznom stroye russkogo yazyka. *Vestnik TGU. Filologiya [Metaphorization of food intake in the figurative system of the Russian language. Bulletin of TSU. Philology]*. 3, 107—121. (In Russ.)
- Fillmore, Ch. (1968). The case for case. *Universals in linguistic theory*. London; Toronto.
- Gibbs, R. (1992). Categorization and metaphor understanding. *Psychological Review*. 99 (3), 572—575.
- Glucksberg, S. (2001). *Understanding Figurative Language — From Metaphors to Idioms*. N.Y.: Oxford University Press.
- Lakoff, G., & Johnson, M. (1980). *Metaphors we live by*. Chicago: University of Chicago Press.

Article history:

Received: 28.05.2018

Accepted: 15.07.2018

For citation:

Yurina E.A. (2018). Liquid intake conceptual metaphor in Russian cultural and linguistic gastronomic code. *Russian Language Studies*, 16(4), 428—450. DOI: 10.22363/2618-8163-2018-16-4-428-450

Bio Note:

Yurina Elena Andreevna, Doctor of Philology, Professor of Russian Language Department at National Research Tomsk State University. *Research interests*: linguistic figurativeness, metaphor, cognitive semantics, linguocultural science, discourse theory, theory and practice of lexicography, corpus linguistics. The author of more than 130 scientific publications, among them are 3 monographs and 12 dictionaries. *Contact information*: yourina2007@yandex.ru.

Finance and acknowledgements:

This research is funded by Russian Science Foundation request for project completion № 18-18-00194 “Figurative system of the Russian language in the polydiscursive space of modern communications” (2018—2020).